

ФИЛОСОФСКИЙ ИДЕАЛ ОБРАЗОВАННОСТИ: ПОКОЛЕНИЕ ПРЕДАН(Н)ЫХ¹

А.А. Костикова

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

Аннотация: *Поколение, учившееся философии в 80-е годы, училось строить коммунизм и формировать человека будущего, ограждая его от влияния буржуазных ценностей и идеалов бездуховного «золотого тельца». Это были уверенные в себе, убежденные в рабочем принципе демократического централизма и универсальности философского знания студенты. Это было молодое поколение идеалистов, получивших научное обоснование своей уверенности в разработанной предшествующим поколением советской материалистической философии марксизма, которая была живой, ей можно было задавать вопросы и дискутировать на философском факультете Московского университета. То, чему и как учили в 80-е, помогло кому-то не только выжить, но и технологично использовать управленческую науку для построения бизнеса или формирования монетизированного личного бренда, а кому-то – остаться в философии, прежде всего в преподавании философии, и строить новые образовательные системы современной России и формировать новые отношения по оказанию образовательных услуг. К счастью, предмет преподавания у этого поколения не пострадал.*

Ключевые слова: *философское поколение, Московский университет, философское общество.*

Реконструкция прошлого – всегда уникальный процесс, который во многом под влиянием актуализированных настоящим вопросов пересматривает события и их смысл. Как историки философии мы знаем ряд концептуальных объяснений этому процессу. Поэтому очевиден, например, умысел современного обращения к советскому периоду философствования – как правило, это политизация истории. К сожалению, современная тенденция подмены исследования той или иной темы или концепции ее исторической социологией лишь усугубляет проблему реализации объективной реконструкции. Поэтому задача видится в том, чтобы максимально приблизиться к ней, выбрав наиболее политически нейтральную тематизацию.

¹ Первая публикация была осуществлена в издании: Костикова А.А. Философский идеал образованности: поколение предан(н)ых. – Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: ЯСК, 2022. – С. 671–678.

80-е годы в мире и СССР – относительно благополучное и мирное развитие двух систем с попыткой СССР открыться миру: Олимпиада-80, «Союз – Аполлон» и другие шаги, которые, как мы видим теперь, неуправляемо переносят акцент в повседневной жизни на потребительские ценности. Следующее поколение до сих пор инфантильно вспоминает вкус появившихся на время Олимпиады зарубежных напитков, и в этом феноменологическом опыте нет гордости за фантастически красивый праздник дружбы, спорта и молодости поколения чуть старше... Философия реагирует медленно и неуклюже, если считать реакцией появившуюся только во второй половине 80-х годов тему «разумных потребностей», которой стали заниматься как раз следующие молодые исследователи – например, это стало темой дипломной работы В. Пельша. Тем не менее способ вхождения в философскую науку именно в этот момент оказался индивидуализированным – акцент делался на самостоятельном выборе темы, а, возможно, в историко-философских исследованиях – ее инициации.

Выбор факультета всегда индивидуален, но диапазон его оснований на нашем курсе был очень широким. У меня лично – драматический во многом переход от структурной лингвистики, которой я занималась несколько лет в кружке для победителей олимпиады по структурной лингвистике на филологическом факультете, кружок эсперанто был там же, – через философию языкознания Владимира Андреевича Звегинцева – к философии – и, как оказалось в 2010 году, к философии языка и коммуникации, институтированной на факультете как кафедральная специализация и аффилированная с научным сопровождением образовательной программы по рекламе и связям с общественностью.

На нашем курсе 1986 года выпуска было очень много ребят, настроенных на личный успех – в науке, в общественной деятельности, в преподавании. И социально-политические изменения в стране мы переживали, уже следуя этой индивидуальной траектории, а преподавание в вузе способствует такой атомизации преподавателя: основное время – со студентами, в аудитории, нагрузка колоссальная, встречи с коллегами регулярные, но редкие – это скорее поддержание социальных связей и решение множества организационно-педагогических вопросов, чем реализация общего научно-исследовательского интереса. Даже в университете на кафедре истории зарубежной философии на первом плане были всегда вопросы содержания общих курсов, преподавания – и Юрий Константинович Мельвиль был строг к уровню текстологического анализа философских концепций в базовом, сквозном богатом курсе истории зарубежной философии. Это было замечательное время, когда можно было читать на семинарах в течение всего семестра, дважды в неделю – «Критику чистого разума» Канта...

Любая историческая реконструкция является одновременно процессом легитимации определенным образом интерпретированной реальности прошлого – поэтому задача, поставленная очередным замечательным проектом Юлии Вадимовны Синеокой, изначально предполагает учет окончательной оценки реконструированной реальности. В связи с этим хотелось бы сразу подчеркнуть мою высокую оценку уровня философского образования нашего поколения и того идеала преподавания, построенного на изучении источников, который у нас сформировался и который многие из нас успешно реализовывали все эти годы, можно даже сказать об общей идеализации самого преподавания. Из выпускников нашего курса те, кто нашел в себе силы продолжать заниматься философией – за рубежом или в России, – в основном успешно преподают – в Академии МВД (А. Золкин), в Великобритании (И. Куреева), МВТУ им. Баумана (А. Чернышева), РУДН (В. Орехов), Академии физической культуры (А. Передельский, М. Башаева), в самых разных городах России и ближнего зарубежья и, конечно, в МГУ им. М.В. Ломоносова (А. Шутов, А. Зоткин, И. Ершова, Л. Николаева, Д. Шаронов, Е. Автанделян) – дорогие друзья, извините, если кого-то не назвала. Хотя, конечно, философия подобна искусству – не всё зависит от обучения и предложенных обстоятельств, многое – от творческой энергии каждого, но, действительно, те, кто остался в об-

разовании, отдают ему много времени и сил. Неслучайно и лучшим деканом этого, 2020 года Всероссийское профессорское собрание избрало декана факультета политологии МГУ Андрея Юрьевича Шутова.

Философский факультет Московского университета с 1981 по 1986 год – прежде всего, на мой взгляд, золотой стандарт широкой образованности – высшая математика, физика, биология и история с историческими вводными и методологическими обобщениями. Философия понималась в это время как прежде всего наука, это стандартные курсы логики и математической логики. Первый курс – инициальный во всех смыслах. Это было самое устойчивое с точки зрения организации процесса обучения время – все основные курсы читались «мэтрами», молодые преподаватели вели семинары и можно было придумывать какие-то интересные авторские спецкурсы, приглашая и совершенно необыкновенных людей. Так, спецкурс о философии музыки читал А. Шнитке, а профессор В.В. Вазюлин, которого в конце 90-х годов после расформирования кафедры истории марксистско-ленинской философии перевели на кафедру этики, читал два текстологических спецкурса – по К. Марксу, о его материалистическом понимании истории, и по Л. Фейербаху. Был курс З.М. Оруджева, соавтора Ф. Кумпфа, – по диалектической логике, на который многие смотрели с подозрением. Или Зотов читал курс о теории личностного знания Полани, в это время как раз этот текст появился на русском языке. И на исторические кафедры приглашались замечательные исследователи-текстологи из Института марксизма-ленинизма и Института философии.

Любопытно, но самым официальным в теоретическом плане нам виделся тогда как раз Институт философии, где было два специальных дня коллективного философствования, что казалось недостижимой мечтой для настоящего философа, и оттуда приглашались философы для консультаций идеологических структур ЦК КПСС, и там писались монографии и статьи в официальные «Вопросы философии» и «Коммунист», которые мы потом активно дебатировали на семинарах. А в университете преподаватели писали учебники и учебные пособия, в которых совершались открытия, вводились новые понятия и была живая работа со студентами, демократическая обстановка, начиная с одежды и заканчивая возможностью для некоторых преподавателей покурить прямо во время семинарских дискуссий... здесь и обсуждались основные философские темы, и если обсуждения переносились – то в общежитие, а на кафедрах – в основном, на долгие общие проходы к метро вдоль проспекта Вернадского от Первого гуманитарного корпуса. Здесь Василий Васильевич Соколов мог так увлечься дискуссией об Августине, что даже не замечал раскатанных ледяных дорожек...

Два отделения факультета – философии и «НК» – научного коммунизма – существовали по разным учебным планам и с разными преподавателями по общим предметам – истории КПСС, политэкономии... У «научных коммунистов» практически не было естественных наук, а курс по истории философии был сокращен. Надо сказать, что и состав студентов был разным – он в целом был старше, чем состав современного студенчества. Ведь конкурс для школьников и стажников, то есть тех, кто проработал где-то, был разным, и тех, кто поступал сразу после школы, особенно на отделении научного коммунизма, всегда было немного. Правда, было и ограничение по возрасту: поступать в университет можно было до 35 лет. Во многом этот взрослый состав и определял учебный настрой и требовательность. Хотя формальная разница в годах была небольшой – 2–3 года...

Неожиданный уход из жизни в 2020 году, 20 октября, декана философского факультета, с 1998 года члена-корреспондента РАН Владимира Васильевича Миронова разворачивает предпринимаемую реконструкцию образования к конкретным людям. В те годы он был преподавателем и одновременно начальником курса, более старшего. Потом он стал заместителем декана по учебной работе. Молодые преподаватели проходили большую школу общественной жизни факультета, и это было одновременно признанием их научного и педагогического

ческого потенциала. Так, проработал сначала секретарем комсомольской организации факультета, а позже – заместителем декана по научной работе Александр Феодосиевич Грязнов, основоположник исследования аналитической философии в МГУ. Профессура воспринималась студентами в те времена всегда серьезно и требовательно – в любом, может быть, и не самом удачном выступлении, в забавном произнесении терминов в отдельных случаях, все равно мы слушали содержание и за это ценили лекционные курсы. Так, все ходили, слушали и вооружались идеями Юрия Александровича Петрова о структуре научного знания, на которых выстроены многие методологические открытия докторов наук нового века, все терпеливо выслушивали лекции Анатолия Даниловича Косичева о «монополюе», но он был дошным читателем классиков марксизма и пытался структурировать эти идеи доходчиво и в соответствии с официальными идеологическими интерпретациями, что воспринималось с требуемым любопытством. А споры были на семинарах, вести которые он как заведующий приглашал, например, Елену Петренко или Михаила Грецкого, прекрасно знавших ревизионистов всех мастей... А вот незнание каралось студентами сурово: так, на нашем курсе был снят с ведения лекции один профессор научного коммунизма за неглубокое знание и понимание интернационализма. И все понимали, как это было важно: середина 80-х годов. Студенты-философы идеологических войн с преподавателями не вели, голосовали ногами, и на лекциях другого ведущего профессора, рассуждающего на лекциях в основном об отсутствии колбасы в магазинах, оставалось 5–6 наиболее оптимистичных слушателей.

Философия марксизма предполагалась научной, поэтому абсолютно необходимыми были основы математики, физики и биологии, которые преподавались на факультете авторами современных до сих пор многотомных вузовских учебников – Спасским, Московским, Кимом. Такими же корифеями преподавалась политическая экономия, психология и история – Андрющенко, Гальперин, историками, узкими специалистами по конкретным эпохам. А собственно философия – это логика, философия природы (диалектический материализм), философия человеческой истории, истории общества (исторический материализм) и история философии. И для меня лично, и для большинства студентов это было ядро нашего образования.

Конечно, у меня абсолютно счастливая история с кафедрой истории зарубежной философии. Историю, действительно, делают люди, и мне посчастливилось застать основных людей той кафедры истории зарубежной философии и с большинством взаимодействовать уже не только как студент, как «конкурсный», то есть свой родной, аспирант, но и как коллега, хотя тогда это слово редко употреблялось еще лет 15 назад – кафедра была коллективом, хотя преподавательский коллектив и в коллективистские времена собирался только на заседаниях и на общие собрания, партийные собрания, фактически совпадающие с общими. Кафедра истории зарубежной философии вместе с кафедрами истории философии народов СССР и истории марксистско-ленинской философии составляла историко-философское содержание профессионального образования. Но наша кафедра отличалась высокой дисциплиной, персонифицированной заведующим – Юрием Константиновичем Мельвилем. На заседаниях обсуждались курсы. Будущие учебники, впечатления от посещений лекции друг друга. За дискуссиями о философии стоял самый разнообразный жизненный опыт, например опыт совместных байдарочных походов Ю.К. Мельвиля и В.В. Соколова. На кафедру новые преподаватели брались при Ю.К. Мельвиле один раз в пять лет – и можно выстроить эту фантастическую линию отбора кадров: Г.Г. Майоров, В.Ф. Коровин, А.Ф. Грязнов, А.В. Доброхотов, М.А. Гарнцев, А.В. Густырь. Замечательный А.В. Густырь, который вел у нас семинары и курировал от кафедры нашу группу, потом ушел из философии в образовательный менеджмент. А 90-е годы начали серию утрат: А.М. Каримский, Ю.К. Мельвиль, А.Ф. Грязнов, А.В. Игнатович, А.Н. Чанышев, В.Н. Кузнецов, В.В. Соколов. Каждый успел сделать очень

много, и так хотелось бы, чтобы их историко-философский труд не остался только в нашей памяти, чтобы их учебники-монографии брали сегодняшние студенты в библиотеках...

Философию Древнего мира в начале 80-х читал Алексей Сергеевич Богомолов, увлекшийся античной философией после блестящих исследований философских концепций XIX–XX веков. Вышел его «Диалектический Логос» в 1982 году, а наши курсы – по античности, которые он взялся с энтузиазмом читать. Его перипатетическая манера чтения, использование карточек с цитатами – все это сработало как профессиональный импринтинг. И это первая утрата на памяти нашего поколения, лично мое неосуществленное в первой курсовой научное руководство. Во время лекции по античной философии у следующего курса он заметил Евгения Казимировича Войшвилло в неурочное для него время, А.С. Богомолову надо было делать укол инсулина, ему нехорошо... После стоической борьбы за жизнь, когда он уже планировал, как на костылях, но вернется в учебную аудиторию, в феврале 1983 года отказало сердце. По какой-то трагической связи времен, буквально накануне сдачи этого текста, 20 ноября 2020 года, ушел из жизни из-за ковида его сын, замечательный литературовед Николай Алексеевич Богомолов. Сегодня в условиях пандемии трудно, а иногда и невозможно проститься с преподавателями. В те годы это был ритуал прощания всех студентов и всех коллег в фойе конференц-зала первого гуманитарного корпуса на втором этаже. И это тоже было частью обучения философии, недаром, как считается, нельзя рассуждать об абстрактном, не столкнувшись с предельным – со смертью. За плечами старшего поколения была, как правило, война. О ней не вспоминали дежурно, о ней помнили всегда, и это было не артикулированное, но выстраданное право на выбранную философию.

Все преподаватели отдавались работе. Например, В.В. Миронов был относительно молодым преподавателем, но главное – молодым был поиск необычных форм работы с первоисточниками – эссе на занятиях на проблемную тему, для докладов – обращение к первоисточникам на иностранных языках. Но это во многом подход того поколения – взять проблему и решить, четко обозначив метод. Мы тренировались на проблемах, но делали, как мне кажется, акцент в своем восприятии на источниках. Например, важным местом был ИНИОН, туда можно было взять специальное письмо-рекомендацию от факультета и работать с обзорами иностранных источников, а то и подключиться к их составлению, а это означало доступ к первоисточникам на иностранных языках. Другим таким местом была Библиотека иностранных языков, где до эпохи открытия центров иностранного влияния и их библиотечных фондов активно закупалась литература на иностранных языках гуманитарных специальностей. Поэтому для нашего поколения удивительна не начитанность современных студентов, когда вся литература доступна, в том числе и в переводе на русский язык.

Важность чтения большого числа сложных для восприятия книг – вот что делало студентов-философов нашего поколения университетской элитой. Философы считались элитой наряду с математиками – по расчету интеллектуальной нагрузки мы были самым загруженными в университете и стипендию платили нам аж на 15 рублей больше, чем всем остальным в МГУ. Но у нас было отличие и от математиков, опять-таки книжное. Действительно, у нас был допуск к Библии и Фрейдю, которого не было у студентов других факультетов. Мы читали Фрейда с моей подружкой из медицинского института в читальном зале первого гуманитарного корпуса, она приезжала туда специально. Библиотека в принципе была местом, где мы жили и до первой пары, чтобы успеть что-то дочитать, и после лекций – с трех и до половины десятого вечера. Там были все курсы. Оттуда можно было уйти поесть в столовую под номером «восемь», а потом вернуться, а потом сходить, если договорился, посидеть поучить латынь с историками, или поучиться разным специальностям на ФПО – тележурналистика, лектор или другие, или сбежать на кружки или секции... или позаседать в самоуправляющихся структурах курсового или факультетского уровня. Комсомольский комитет решал, как

и что будет проводиться на факультете, кто будет за это отвечать. Но главная забота была учеба – чтобы все старались и чтобы у всех получалось.

Это «получалось» проверялось не только оценками, но и ранней педагогической деятельностью – популярной, но не менее ответственной. Это лекции на самые разные темы перед самой разной аудиторией – в перерывах перед рабочими на заводах, перед продавцами в магазинах, перед воспитателями в детских садиках...

Эта разновекторная социальная включенность в самом образовании фактически невольно подготавливала принятие социологии философии: факт личного знакомства с зарубежным мыслителем фокусировал внимание на его концепции. И старшее, и следующее, не воевавшее, поколения наших учителей получили возможность в конце 60-х годов съездить на стажировки в зарубежные университеты. И не в студенческие-аспирантские годы, а в качестве молодых преподавателей-исследователей. Так, во Франции постажировались и В.Н. Кузнецов, и И.А. Гобозов, в США были, и их лично помнили в начале XXI века, и Ю.К. Мельвиль, и А.Ф. Грязнов, и А.В. Панин, и другие... поэтому их лекции в 80-х были насыщены личными впечатлениями от встреч с Поппером, Ароном, Дьюи, Сартром... в начале 80-х границы оказались закрыты, и за границу некоторые из нас смогли съездить в рамках студенческой ознакомительной летней практики – в ЧССР, ГДР и Венгрию – в большей степени культурной, чем образовательной, ведь летом лекций не было, но мы осматривали университеты и знакомились с деканами философских факультетов. Интернационализация образования, задача, которая ставится сегодня перед российскими вузами, как ни парадоксально, существовала внутри самого философского образования в университете.

Философия в силу этого идеала во многом воспринимается нашим поколением отстраненно – как универсальный объективно развивающийся предмет. Это развитие и надо попытаться реконструировать и проанализировать – так понималась и педагогическая, и исследовательская задача, решению которой мы учились. Мне кажется, что это ближе всего историко-философскому жанру. И философии языка, которая позволила легитимизировать целый ряд новых фигур и тем историко-философской реконструкции: Ж. Деррида, С. Жижек, Р. Барт, Ж. Лакан, философия кино, языки искусства, хайдеггеровские идеи в иранской философии, проблема индивидуального языка, языки формирования идентичностей и многие другие – темы аспирантских исследований, которые становятся все смелее и разнообразнее. Для дидактических целей, на мой взгляд, это идеальная перспектива: это дает возможность погрузиться в разные философские концепции, обсудить их все, попытаться сравнить на определенном основании. Предполагалась легитимация этих задач универсальностью самой философии. Мне хочется верить, что именно на этом выросли замечательные молодые философы, которые именно так видят свои научные интересы и в этом духе преподают философию – во многом объединяясь и реализуя фантастические совместные проекты, к которым хочется чувствовать себя причастным.

Мне кажется, что именно наше поколение, мои любимые, пусть и не самые дружные, однокашники более всего привязаны к самому образованию, к тому замечательному философскому образованию, которое мы получили в 80-е, к ценности такого широкого университетского образования, к умной левой политической ангажированности, которую оно предполагало, к государственному патернализму, которое оно само реализовывало, к интеллектуализму чтения книг вообще и тех книг, которые должны читать мудрые...

Поэтому, что бы ни говорили современные психологи о поколенческих различиях, студенты сегодняшнего дня, притом что, конечно, они другие – ожидающие учебы, стремящиеся к знаниям, новым навыкам, – самые близкие нам люди по душевному настрою, по жизненным устремлениям, по крайней мере в этот момент своей жизни.

Поэтому так многие из нас остались или вернулись в образование, многие служат ему, так и не сделав карьеры, растворившись в преодолении и переживании его многочисленных и многострадальных реформ за эти 30 лет, так и не поняв, что вряд ли только силами педагога сегодня, без помощи той системы образования, в которой учились мы, возможно вырастить такое же преданное философской идее образования и образованности поколение, как мы.